

Павел Саксонов

**АНДСКИЕ
РАССКАЗЫ**
Возвращение домой

Павел Саксонов

**Андские рассказы.
Возвращение домой**

«Издательские решения»

Саксонов П.

Андские рассказы. Возвращение домой / П. Саксонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837283-4

Только жулики объясняют то, что предназначено тебе и больше никому.
Никто не может влезть в твою душу и сердце, кроме тебя самого. Ты можешь
открыть их другим, но никто другой, кроме тебя самого, не откроет их
тебе же.

ISBN 978-5-44-837283-4

© Саксонов П.
© Издательские решения

Содержание

Призрак	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андские рассказы Возвращение домой Павел Саксонов

© Павел Саксонов, 2017

ISBN 978-5-4483-7283-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призрак

Все началось с того, что в корпорацию El Diario Imperial¹ стали поступать довольно необычные письма. Эта корпорация – собственность муниципалитета, в нее входят газета, телеканал и радио, но, в отличие от многих других компаний такого рода, она не только является официальным рупором городских властей, но и славится своими свободными замашками. Ее коллективу ничего не стоит отчихвостить по первое число собственных работодателей, а иногда между ними – коллективом и властями – даже разгораются настоящие информационные войны. Ничего не поделать – демократия. Но именно поэтому люди охотно пишут, звонят, делятся своими проблемами, рассказывают о всякой всячине. И вот – начались странности.

Сначала пришло письмо, в котором житель сельский общины, расположенной неподалеку от Куско, сообщил, что на дороге около Писака (город такой, довольно примечательное место) насмерть сбил привидение, которое после этого убежало на заправочную станцию. Понятно, журналисты просто посмеялись. Но еще через несколько дней в прямой эфир позвонила женщина, у которой была чуть ли не истерика. Она заявила, что привидение без одной ноги весь предыдущий вечер и всю ночь стояло у ворот ее дома и не давало ей пройти внутрь. Женщина пыталась вызвать полицию, но в полиции ей вежливо посоветовали обратиться в церковь. Говоря проще, послали. Ведущий, думая, что это – чей-то розыгрыш, стал задавать уточняющие вопросы, надеясь на то, что женщина запутается в «показаниях». Но женщина в мельчайших подробностях описала привидение: без левой ноги, правая нога обута в белый кроссовок, на туловище – синяя куртка с надписью «Ньюстас де Писак» (Ñustas de Písac), на голове – традиционная шапка с завязками и помпончиками на них, а самому привидению на вид – лет двадцать, не больше. Причем его даже было бы можно назвать симпатичным молодым человеком, если бы не одной «но»: в его лице не было ни кровинки. Но без кровинки в лице выглядело привидение жутко. А главное, его лицо постоянно меняло очертания: то расплываясь, то снова становясь очень четким. На вопрос ведущего, пыталась ли женщина заговорить с незнакомцем, та ответила утвердительно. Мол, сначала она приняла привидение просто за подвыпившего парня, что вообще-то не редкость в тех краях, и попросила его посторониться от ворот. Но тот в ответ широко открыл рот и завыл. А потом его лицо стало расплываться. Ведущий пообещал разобраться.

Разумеется, ни с чем разбираться ведущий не стал. Уже через какой-то час история казалась ему настоящим бредом, а к концу дня он и думать о ней забыл. Но уже на следующее утро и в редакцию газеты, и на радио, и на телевидение обрушился настоящий шквал писем и звонков. Перепуганные люди твердили почти одно и то же: кто-то, как давеча крестьянин, «насмерть задавил» стоявшее посреди дороги привидение, которое «после этого убежало на заправку»; кто-то уверял, что привидение без одной ноги не хотело пускать его домой... но больше всего журналистов поразили звонки сразу двух водителей: один из них был водителем местного пригородного автобуса, а другой – так называемого интерпровинсьаль: здорового лайнера, курсировавшего между Лимой и Пуэрто-Мальдонадо по дороге на границу с Бразилией. Этот лайнер по пути в Пуэрто-Мальдонадо (и обратно) всегда проезжал через Куско. Так вот. Водитель пригородного автобуса, чего-то вроде маршрутки на перуанский манер, заявил, будто в Писаке в его автобус попыталось сесть привидение. А водитель интерпровинсьаль – что рано утром, примерно в половине четвертого, привидение без левой ноги внезапно появилось в свете фар на расстоянии метров пятидесяти перед автобусом, а когда автобус экстренно затормозил, легло на дорогу и принялось страшно завывать. После чего

---

¹ Название изменено.

вскочило, покивало головой и – хлоп! – оказалось уже на территории заправочной станции, которая находилась неподалеку.

Все это уже точно было никакими не шутками. Тем более что еще через несколько часов подключилась и полиция: компания-владелец лайнера потребовала выяснить, что именно настолько перепугало пассажиров ее автобуса, что те принялись строчить в социальных сетях нелестные отзывы о предоставленном им сервисе! Правда, полиция сначала пошла по своему пути «расследования»: собрала всех водителей (за исключением водителя лайнера, который был уже далеко) и взяла у них пробы на алкоголь. С выпивкой за рулем в Перу достаточно строго: можно реальный тюремный срок схлопотать. Поэтому полиция понадеялась на то, что водители... гм... прояснят ситуацию под страхом возможного серьезного наказания. Но все водители оказались трезвыми! И тогда началось совместное расследование.

Журналисты со своей стороны, а полиция со своей начали поднимать архивы. И те, и другие попытались ухватиться за примечательную деталь: надпись на куртке. Синих курток в Перу – миллион, но с надписью «Ньюстас де Писак» много быть не могло. Да и сама надпись была очень странной: мешанина на кечуа и испанском, буквально – «Принцессы Писака». Что за принцессы? Почему принцессы? Почему Писака? Нет чтобы название какого-нибудь футбольного клуба – это было бы понятно: футбол в Перу очень популярен. Но принцессы?

Повозиться пришлось немало, однако результат, как ни странно, был получен. Причем сразу и в газетных архивах, и в полицейских. В одном из номеров газеты (не *El Diario Imperial*: этой газеты тогда еще не существовало) обнаружилась заметка о том, что в ночь с 24 на 25 декабря 1993 года, то есть в рождественскую ночь, на дороге около заправочной станции близ Писака было обнаружено безжизненное тело молодого человека со всеми признаками наезда на него: молодому человеку оторвало левую ногу, он был буквально залит кровью, а метрах в пятидесяти от того места, где он лежал, дорога была усыпана осколками стекла и всякими обломками – кусками деталей и тому подобным. Одет молодой человек был в синюю куртку с надписью «Ньюстас де Писак».

В полицейском же архиве нашлась запись о ДТП: рано утром 25 декабря 1993 года, а точнее в половине четвертого утра в полицию поступил вызов. Когда экипаж прибыл на место, он обнаружил и битое стекло, и труп с оторванной ногой, но ни того транспортного средства, которое насмерть сбило человека, ни звонившего. Все, что было известно – звонили с заправочной станции. Кассира заправки допросили, но допрос тоже ничего не дал: кассир отнекивался. Мол, ни он не звонил, ни кто-либо еще. Да и никакого наезда он не видел и не слышал. Также в полицейском архиве нашлись материалы проведенного следствия: по обломкам была установлена марка и даже модель уехавшего с места ДТП автомобиля – Шевроле Импала. Ориентировочно 1972 года выпуска.

Для Перу такая машина – большая редкость. Будь она новой, как в 1972 году, или старой, двадцатилетней, как в 1993-м, она все равно не только слишком дорогая, но и вообще никак не вписывается в привычный для страны автопарк, представленный преимущественно малолитражками. Казалось, найти этот автомобиль проще пареной репы. Но не тут было! То есть сведения-то о машине действительно нашли в мгновение ока, равно как и сведения о ее владельце, но и сама машина, и владелец как сквозь землю провалились. Дело зашло в тупик. Но поскольку подобные дела спускать на тормозах в Перу не принято, машина и владелец были объявлены в национальный розыск с включением в программу вознаграждения за любую информацию. Причем сумма вознаграждения была объявлена максимальной: аж 100 тысяч новых солей, что в 1993 году составляло около 50 тысяч долларов США. Немалые что по тогдашним, что по нынешним меркам деньги.

Обычно программа вознаграждения – *programa de recompensas* – работает очень хорошо. На объявленных в розыск начинает охотиться вся страна: без всякого преувеличения. И без всякой жалости: в эту программу включают исключительно законченных отморожков, торгов-

цев наркотиками, насильников и такое отребье, что никому и в голову не приходит усомниться в благости «настучать». Поэтому результаты появляются быстро. Не успевают объявить кого-то в розыск, как можно уже с наручниками на задержание выезжать. Недаром девиз программы – не только «¡Ayuda a capturarlos! (Помоги схватить их!)», но и «¡Que ellos se cuiden! (Пусть опасаются!)» Однако в случае с Импалой и ее владельцем все пошло не так.

Звонки, конечно, поступали, но все они касались только того, что уже было известно: назывались имя, фамилия, род занятий и место жительства владельца автомобиля. Но где находился владелец и куда подевался сам автомобиль, никто из звонивших понятия не имел. А потом... потом случилась еще одна странность. В полицию, но не Куско, а самого фешенебельного района Лимы поступило заявление о бесследном исчезновении целой семьи: двух несовершеннолетних – мальчика и девочки, – их бабушки, мамы и папы. И оказалось, что это – семья пропавшего владельца пропавшей Импалы! Мужчина, владелец, за несколько лет до этого развелся с женой и ушел из семьи. Поэтому сразу его и не связали ни с какими членами семьи: в досье просто значилось «сольтеро», то есть «одинокий». И вот на тебе: «одинокий» не только оказался не совсем одиноким, но еще и, по-видимому, ухитрился подстроить исчезновение бывшей жены, бывшей тещи и двух своих детей! Да кто же он такой? А он (информация об этом от широкой общественности поначалу скрывалась) – очень уважаемый хирург одной из самых дорогих частных клиник столицы! Еще и преподаватель в университете! Еще и лауреат различных международных премий! Еще и почетный член дюжины иностранных медицинских обществ!

А что же погибший под колесами его автомобиля молодой человек? Его тоже опознали. Им оказался студент из косканского² университета Сан Антонио Абад, уроженец Писака. Он просто приехал к родителям на Рождество, зачем-то вышел из дома и больше домой не вернулся. А ближе к утру его нашли мертвым на дороге около заправочной станции, причем эта заправочная станция находилась в нескольких километрах от дома родителей молодого человека. Тогда же выяснилось и то, что синюю куртку со странной надписью родители ему и подарили, а надпись означала не каких-то принцесс в «человеческом» понимании этого слова, а младших богинь кечуа (семья была кечуанской), и являлась чем-то вроде оберега. Гарантировала, как в это верили, возвращение в родные места. В данном случае – в Писак.

В общем, картина получалась очень странной, хотя странностей и так хватало. Но их еще добавилось, когда полиция побеседовала с сообщившей об исчезновении семьи дамой – как оказалось, соседкой по дому. Дом был многоквартирным, из числа так называемых «ресиденсыаль». Внешне эти дома нередко очень похожи на наши (российские) самые страшенькие панельные многоэтажки, но квартиры в них стоят... Скажу так: примерно от полумиллиона долларов США цены в них только начинаются. Правда, квартиры просторные: по 200 и более квадратных метров. Двести сорок, двести семьдесят (иногда мне кажется, что в Перу не очень любят круглые цифры), триста с лишним... Если проще, внешне – убожество, внутри – роскошь.

Обратившаяся в полицию дама проживала в «департаменто» (так там называются квартиры: не апартаменты, а департаменты) на четвертом этаже, а пропавшая семья – на пятом. Со своими соседями дама общалась нечасто: в силу почтенного возраста она редко выходила, предпочитая проводить время на террасе. Но именно благодаря террасе она и поняла, что соседи сверху пропали. Получилось это так.

Давно умерший супруг этой дамы был очень известным ботаником, одним из участников проекта по созданию так называемого национального парка Ману́ в Мадре де Диос, но до его непосредственного открытия в 1977 году не дожил. Однако еще раньше он много поездил по стране и, конечно, в сопровождении жены. Дама очень любила своего мужа, но терпеть

² То есть находящегося в Куско (или Коско, как его называют сторонники старого, на языке кечуа, названия – Qosqo).

не могла природу. Да не просто терпеть не могла: она ее боялась, потому что ей всюду чудились змеи, ядовитые насекомые, переносящие бешенство летучие мыши (это, кстати, не шутка: совсем недавно целый регион закрыли на карантин из-за того, что на военную базу (!) напали летучие мыши, искушали солдат и персонал, в результате чего десять солдат заболели, а еще около двухсот попали под наблюдение; все буквально на ушах стояли: срочно привезли вакцины, устроили бесплатную вакцинацию населения... смех смехом, но в реальности совсем не смешно).

Так вот: природу дама панически боялась, и понять ее можно: там, где она бывала с мужем, на самом деле все кишмя кишит и змеями, и насекомыми, и черт еще знает какими тварями и гадами. Но когда муж умер, она стала так по нему тосковать, что на террасе купленных ею апарт... тьфу – департаменту устроила настоящую оранжерею из всевозможных растений в кадках. Эти растения напоминали ей о любимом. Она собственноручно поливала их, ухаживала за ними, и даже сама не заметила, как мало-помалу превратилась даже не просто в опытного садовода, а в одного из признанных специалистов! В ее оранжерее снимали образовательные телевизионные передачи (благо, места хватало: терраса имела площадь под сто квадратных метров), сама дама делилась опытом и так далее. Одна беда: когда у соседей сверху родился сначала один ребенок, а затем и второй, начались проблемы. Не сразу, а годика через три: то детишки ухитрились сбросить вниз (с точным, разумеется, попаданием) что-нибудь не самое легкое, переламывавшее стебли растений, то пристраивали шланг с водой таким образом, чтобы вода из него безостановочно хлестала в кадки. Хулиганили, короче. Превратили свою террасу в место преступлений против террасы дамы. Почему? Бог их знает.

Дама жаловалась, проводила беседы с родителями детей, те своих детей наказывали, но ничего не помогало: недели не проходило без того, чтобы не приключилась какая-нибудь гадость. И так – на протяжении ряда лет! Но в один прекрасный день дама поняла, что неприятности больше не происходят. Давненько не происходят. На удивление! Ей бы обрадоваться, но, видимо, борьба с юными бандитами из хорошей семьи настолько вошла в ее жизнь, что она без нее уже не ощущала радости. Возможно, поэтому-то она и не обрадовалась, а испугалась: не случилась ли чего? Поднялась на этаж выше, попыталась достучаться: безрезультатно. Спустилась на подземную парковку: автомобиль жены (уже бывшей, как дама, конечно же, знала) милого и симпатичного доктора стоял на месте – рядышком с собственным Мерседесом дамы, на котором она иногда в компании с наемным шофером все-таки выбиралась во внешний мир. Но вид автомобиль имел унылый: весь запыленный, причем не уличной пылью. Словно без движения он стоял уже довольно давно. Что было очень странно, поскольку – дама и это прекрасно знала – соседка сверху пользовалась машиной практически ежедневно. Наступил вечер. Дама еще раз попыталась достучаться в квартиру и снова безрезультатно. Вот тогда-то она и позвонила в полицию.

Что называется, сложив два и два, полиция установила: скорее всего, хирург не похищал свою бывшую семью после того, как непонятно каким образом ухитрился и сам исчезнуть вместе со своей Импалой. Скорее всего, в момент наезда на бедного молодого человека в Писаке в машине находились все: и он, и его бывшая жена, и его бывшая теща, и двое детей. Но как же так вышло? Зачем вообще их всех понесло в Куско и дальше – в Писак, а потом и в неизвестном направлении?

Нехитрое (на этот раз) расследование установило, что теща хирурга, мать его бывшей жены, родом была как раз примерно из этих мест: она родилась в Кальке, а Писак находится между Куско и Калькой. Более того, оказалось, что в Кальке проживали родственники тещи хирурга. Получалась очень простая вещь: ближе к Рождеству хирург заехал за своей бывшей семьей и повез ее на машине в Кальку, так как – это тоже было установлено – дети были очень дружны со своими тамошними многочисленными кузинами и кузенами. Ничего странного в том, что вместо самолета было выбрано путешествие на машине (около 1200 километров),

для Перу нет: там многие так поступают. Ближе к Рождеству (и вообще во время всех более или менее крупных праздников) выезды из крупных городов, не говоря уже о Лиме, оказываются забитыми таким количеством автомобилей, что даже московские пробки на этом фоне кажутся сущим пустяком. Местные власти даже меняют организацию движения: на въезды оставляют буквально по одной полосе, а все остальные полосы ведущих из той же Лимы дорог отдают на выезд. По Панамерикане Нортэ и Панамерикане Сур в такие дни автомобильный поток оказывается бесконечным, хотя обычно эти дороги полупусты. Перуанцы – вообще страстные автомобилисты. Водят неважно: так, что частенько волосы дыбом встают. Сами в этом признаются, но при первой же возможности садятся в машины и пускаются в дальние путешествия. В общем, тот факт, что хирург предпочел самолету автомобиль, полицию как раз не удивил. Но почему, попав в ДТП в Писаке, он решил сбежать? Почему не довез жену, пусть и бывшую, тещу, пусть и бывшую, и детей до той же Кальки? Ведь в Кальке никто из них так и не появился! Куда они исчезли? Куда исчезла Импала?

Скрыться за границу на Импале семья не могла: такую приметную машину запомнили бы, но ни на одном из пограничных постов о ней и слухом не слыхивали. Спрятать машину тоже было не так-то просто. В принципе, конечно, в Перу, особенно в близком к региону Куско Мадре де Диос, хватает мест, где можно не то что легковой автомобиль, но и целую мотодивизию спрятать с концами. Но: это только в том случае, если не будут организованы тщательные поиски. Если никто в стране не будет охотиться за этой машиной. Ведь даже нелегальные минерос – всякие золотоискатели, коих там больше, чем летучих мышей, всякие рабочие незаконных разработок полезных ископаемых, всякие «дровосеки», промышленяющие на свой страх и риск, – даже такие люди смотрят новости и охотно участвуют в программе вознаграждения за поимку объявленных в розыск преступников. Тем более что объявленная награда – 100 тысяч новых солей – это их доход примерно за двадцать пять – тридцать лет работы! Нет, ни сбросить машину в пропасть – так, чтобы ее не обнаружили; ни загнать ее в джунгли – так, чтобы на нее не наткнулись минерос или «дровосеки», вряд ли было возможно. Куда же она подевалась? И куда подевались люди? Следствие снова зашло в тупик. А потом, когда всякая надежда обнаружить хоть что-то по не до конца остывшим следам испарилась окончательно, его отложили в специальный отдел: не прямо под рукой, но так, чтобы можно было к нему вернуться. Еще через несколько лет хирурга изъяли из списка особо разыскиваемых лиц. А еще через несколько всех скопом – его, его бывшую жену, тещу и детей – перевели в разряд без вести пропавших.

Когда журналисты и полицейские извлекли все это из архивов, их изумлению не было предела. И здесь, наверное, нужно сделать еще одно пояснение. Мы привыкли к тому, что мы, взявшись за какое-нибудь расследование, вряд ли станем всерьез воспринимать версию с призраком: независимо от того, во что мы верим или не верим. Скорее всего, мы постараемся найти сугубо материалистическое объяснение происходящему. И уж тем более нам и в голову не придет, что журналисты (если только это не какие-нибудь чудачки из общества уфологов или чего-то вроде такого), не говоря уже о полицейских, станут в своем расследовании отталкиваться от версии, напичканной верой в потусторонние силы. В Перу иначе. Перу – страна не просто верующая. Это страна, в которой религия играет очень важную роль в повседневной жизни, а христианство сильно замешано на традиционных верованиях. В Перу можно объявить себя неверующим ни в Бога, ни в черта, ни в привидения, ни в древние божества, и за это, разумеется, ничего не будет. Но настоящие перуанцы в своем подавляющем большинстве верят и в Бога, и в черта, и в привидения, и в то, что не всё так гладко и с древними духами и божествами. Господь, конечно, сильнее всех, но кто знает, кто знает? Ведь может быть и так, что сам Господь и послал все это на грешную землю. В обыденной жизни обычный перуанец почти наверняка только посмеется, услышав о безногом призраке, который мешает пройти домой или убегает на заправочную станцию. Но потом его обязательно начнут терзать

сомнения. А чем больше он будет обнаруживать странностей, тем сильнее будут становиться его сомнения. Так что, в конце концов, он начнет копать именно в направлении потустороннего. Поэтому-то именно так и случилось что с привыкшими ко всякому полицейскими, что с журналистами El Diario Imperial, закаленными в ежедневной борьбе с собственными работодателями, каковые работодатели будут посерьезнее любого привидения.

Едва были установлены все эти факты, как журналисты и полицейские призадумались: почему погибший молодой человек вернулся в мир живых? В том, что он вернулся, ни те, ни другие уже не сомневались. Но чем объяснить возвращение? Оно выглядело очень странным уже хотя бы потому, что тело молодого человека было, как и положено, похоронено на кладбище. Вот если бы его сбили, а потом спрятали – да хоть зарыли на той же заправке, – это многое могло бы объяснить. Но ведь нет! Он, как и подобает христианину, покоился в освященной земле и вроде бы как поэтому не должен был тревожиться душой и стремиться вернуться. Или... или должен был? Куртка! Куртка с оберегающей надписью «Ньюстас де Писак»! Конечно! Оберег обещал возможность возвращения! Да, возможность возвращения *живого* человека в свой дом, а не покойника, но вдруг и покойника тоже? Вдруг оберег сработал таким неожиданным образом? Но если так, почему прошло столько времени, прежде чем он сработал?

Журналисты и полицейские выдвинулись «на место»: в Писак и непосредственно туда, где видели призрак. Заправочная станция была той же самой, которая существовала здесь и в 1993 году. Она даже принадлежала тому же владельцу: государственной компании Петроперу. Конечно, оборудование с тех пор на ней не раз менялось, а тогдашний кассир давным-давно не работал, но в остальном это была та же самая заправка. Шоссе с 1993 года не раз перекладывалось, но в целом это было то же самое шоссе. А вот с домами все оказалось чуточку иначе. Дом, в котором когда-то жили родители молодого человека, исчез. Не в прямом, разумеется, смысле, а в том, что его снесли: участок был продан, новый владелец построил новый дом. Потом участок был продан еще раз и стал собственностью... да: той самой женщины, которая позвонила в прямой эфир и рассказала о том, что привидение без левой ноги не пускало ее домой! Конец одной ниточки был выхвачен из клубка. Но почему же призрак и других людей не пускал? Они-то к нему каким боком?

Выяснить это в тот же день, когда журналисты и полицейские приехали в Писак, не удалось. Как назло, в городе шли активные строительные работы аккуратно рядом с полицейским участком, аккуратно рядом с бомберос (пожарными) и аккуратно рядом с городским архивом! То есть все те три места, в которых было бы можно оперативно получить информацию о произошедших в городе с 1993 года изменениях, оказались в осаде строительной техники. А так как в Перу любое строительство – не шутка, что полицейский участок, что пожарная часть, что архив были закрыты, а их служащих временно перевели в другие здания. При этом вся «ненужная» и «малозначимая» информация осталась в закрытых помещениях. Мало того: пока суть да дело, наступил вечер, причем, как водится в это время года, сырой и не очень приятный. Бродить по строительным площадкам в надежде хоть «одним глазком» проникнуть в закрытые помещения стало попросту небезопасно. О чем и местный комиссар, и сторожа на стройках предупредили как приезжих полицейских из Куско, так и журналистов. Оно и понятно: протекающая тут же река Урубамба не огорожена вообще ничем, набережных у нее нет, из-за строительных работ – скользко, а тут еще и дождь, и тьма. Свалиться в воду – как нечего делать. А случись такое, никто и помочь-то не успеет: течение быстрое, в русле полно камней, вода ледяная... Как ни печально это говорить, но люди, угодившие в такого рода реки – в Урубумбу, Апури́мак и другие – выживают редко. Особенно угодившие в темноте. Обычно их находят дней через десять намного ниже по течению. А иногда через месяц. Бывает, что не находят вообще. Буквально в минувшем (2016-м) году был случай: студент, снимавший комнату в небольшом городке, зачем-то вечером пошел на речку, а нашли его только через

пять месяцев. Оpoznали по зубам. Короче, полицейские и журналисты погрузились в машину и уехали в Куско. Можно было переночевать и на месте, но в Писаке это недешево, а полицейские и журналисты в Перу зарабатывают немного.

Вернулись на следующий день ближе к полудню и сразу же взяли с места в карьер. Встретились со всеми, кто сообщил о встрече с привидением, не пускавшим их в дома. И сразу же обнаружили общую для всех рассказов деталь: в каждом случае встрече с привидением предшествовали «голоса». Кто-то слышал голоса за день до встречи, кто-то – за два, но слышали их все. Принадлежали они двум разным людям, если, конечно, в такой ситуации можно говорить о людях. Все сходились во мнении, что один принадлежал пожилой женщине, а второй – ребенку. Мальчику или девочке, было неясно, но... мальчик! Или девочка! И пожилая женщина! Тут же вспомнилась информация из давнишнего расследования: пропавшая вместе с хирургом семья как раз и состояла из пожилой женщины, мальчика, девочки и их мамы. Не считая самого хирурга.

Совпадение? Может, и так. Но, скорее всего, нет. Что же говорили эти голоса? А говорили они в каждом случае одно и то же. Мальчик (или девочка): «Хочу домой!» Пожилая женщина: «Потерпи, скоро звезды снова начнут падать». Буквально – *tenga paciencia, las estrellas van a caer nuevamente*. На испанском. И тут же принадлежавший пожилой даме голос добавлял: *arí, hoqman* (ари, хохманта: «да, снова») – на кечуа.

В Писаке кечуа понимает если не каждый встречный и поперечный, то каждый второй – точно. Поэтому сомневаться не приходилось: если жители, слышавшие голоса, утверждали, что голос пожилой женщины к испанской фразе добавлял и фразу на кечуа, значит, так оно и было. И это – еще одно совпадение! Или не совпадение? Ведь теща хирурга была родом из Кальки, а в Кальке тоже не только многие понимают кечуа, но он для многих из них и является родным! Да и фамилия тещи – Киспэ (Quispe) – на сто процентов кечуанская фамилия, причем очень распространенная, так как это имя, превратившееся для его носителей в фамилию, обожали давать и мальчикам, и девочкам во времена фактического порабощения коренного населения. Это имя означает «свободный» или «свободная»: в кечуа нет категории рода, поэтому некоторые имена равно являются и мужскими, и женскими.

Ситуация становилась все запутанней. Получалось, налицо уже, как минимум, три призрака! Один, являвшийся людям лично – призрак погибшего под колесами молодого человека. Еще один – призрак невидимых, но слышимых мальчика или девочки, хотевших вернуться домой. И еще один – призрак отвечавшей им пожилой женщины. Не многовато ли для одной-единственной и без того странной истории? И что означали эти слова: «скоро звезды снова начнут падать»? Какой в них смысл?

И тут одного из журналистов осенило: если пожилая женщина говорит «снова» – не просто «начнут падать», а «снова начнут», – значит, звезды однажды уже падали. Значит, нужно выяснить, когда они падали. А точнее – журналист не сомневался – не просто падали: речь должна была идти о звездопаде. Ведь что такое «падают звезды», если это не звездопад?

Опять погрузились в машину и помчались в Куско: в тамошнее отделение *Senamhi – Servicio nacional de meteorología e hidrología*, аналог нашего Гидрометцентра. Там на вломившихся журналистов и полицию посмотрели как на сумасшедших, но искомую информацию нашли быстро. Действительно: в ночь с 24 на 25 декабря 1993 года в районе Писака наблюдалось очень редкое для этого времени года явление – ночное небо было абсолютно чистым, без единой тучки, и был звездопад! Роскошный звездопад! На вопрос, когда еще с тех пор «падали звезды», последовал ответ: никогда. Никогда в том смысле, что настолько яркого зрелища, да еще и летом (в Перу лето тогда, когда у нас зима), с тех пор не бывало. Какое-нибудь из условий не соблюдалось. То небо было затянуто тучами, то все ограничивалось одной-двумя *estrellas fugaces*. Но чтобы вот так – чтобы на протяжении чуть ли не целой ночи шел звездный дождь, – нет, такого с тех пор не было ни разу. На вопрос, ожидается ли нечто подобное в ближай-

шем будущем, последовал уклончивый ответ: точно сказать нельзя, но предпосылки к этому имеются. Какие? Эль-Ниньо снова изменил климатические условия, период дождей в сьерре³, почти и не начавшись, вот-вот закончится, наступит не обычное промозглое, а засушливое лето с высокой интенсивностью солнечной радиации и постоянно чистым ночным небом. При этом Земля будет проходить через метеорный рой высокой интенсивности. Если все так и случится, скоро «звезды снова начнут падать!»

Тут журналиста опять осенило: зачем искать прошлую связь между домами, перед входом в которые появлялся призрак, если события происходят прямо сейчас? Наверняка эта связь уже не в прошлом, а в настоящем. Могли смениться владельцы, как это произошло в случае с домом родителей погибшего молодого человека, даже сами дома могли измениться, но участки! – их местоположение измениться не могло.

Взяли карту. Отметили каждый из таких домов и обнаружили, что они оказались как бы на одной линии – на прямой, двумя крайними точками которой являлись бывший участок родителей и заправочная станция. Никаких других домов или объектов на этой линии не было. Причем при общем направлении города примерно с юга на север эта прямая проходила точно с востока на запад, если считать за отправную точку бывший участок родителей погибшего юноши.

С точки зрения реальной, если так можно выразиться, практической топографии это не давало ничего: в реальной жизни погибший юноша, выйдя из дома родителей, никак не мог пройти по такой линии к заправке. Но став призраком... совсем другое дело! Призраку уж точно не нужно было придерживаться существующих улиц, переходить через Урубамбу по мосту и двигаться по поворачивающему шоссе. А что такое прямая линия? Это не только кратчайший путь из одного места в другое, это еще и сакральное направление! От одного священного места к другому. А в данном случае – от места рождения к месту смерти. И – вот еще одно поразительное совпадение: от востока на запад! От места рождения солнца к месту, где солнце умирает. Что заставило молодого человека выйти из дома в рождественскую ночь и отправиться на заправочную станцию, поблизости от которой он нашел свою смерть?

Журналисты и полицейские перепугались не на шутку. Все начинало складываться так, что волосы дыбом вставали. От реальности в этом расследовании оставалось все меньше и меньше. Оно все больше и больше оборачивалось игрой с совсем иным, далеко не человеческим миром. Один из полицейских очень мрачно заявил, что вообще-то символ Петроперу – владельца заправочной станции – голова в традиционной шапке. А на погибшем молодом человеке именно такая и была. Один из журналистов возразил, что в сьерре традиционные шапки носят чуть ли не все поголовно, но сказал он это как-то не очень уверенно. Звездопады, привидение, голоса пропавших людей, прямая линия между рождением и смертью от восхода солнца к его угасанию, обещающий возвращение оберег на куртке, а теперь еще и символ в виде индейской шапки, каковая шапка была и на голове погибшего! Это уже не черт знает что, это уже совсем никуда, если без священника. На том и порешили: поехали в церковь. И не абы в какую, а прямиком в наиглавнейшую из всех церквей Куско.

Нынешний архиепископ Куско, монсеньор Ричард Аларкóн Уррутья – человек во всех смыслах примечательный, однако общаться на данную тему он отказался наотрез. Но, скорее всего, не потому что предположения журналистов и полицейских, мягко говоря, не совсем увязывались с христианской доктриной – это бы еще ладно, поскольку в Перу между христианской доктриной и реальностью не существует четко очерченной грани. А потому что был обижен на самих журналистов *El Diario Imperial*, совсем недавно и очень некстати обрушившихся на него с нелестной критикой за порчу кафедрального собора. Между прочим, являю-

---

³ Горная часть Перу.

щегося памятником исторического наследия Имперского Города⁴. Это может показаться нелепым, но так оно и было: после одной из торжественных служб, собравшей огромное количество прихожан и поэтому проходившей под открытым небом прямо перед собором, журналист *El Diario Imperial*, совершенно случайно обнаружил, что от одной из колонн отвалился приличный кусок. А как раз к этому месту колонны во время службы была прислонена металлическая лестница, сослужившая роль одной из подпорок импровизированного помоста. Вообще-то нападать на представителей Церкви в Перу не принято абсолютно, тем более что Церковь в Перу как бы и не совсем отделена от государства. Но случай показался журналисту уж очень нехорошим: как это так, чтобы изуродовать колонну? Недолго думая, он составил заметку о вопиющем происшествии, снабдил заметку фотографией и опубликовал. В алькальдии – мэрии – на следующее утро, когда вышел номер, схватились за головы и поспешили принести архиепископу самые искренние извинения. Но каждый в Куско знал, что в данном случае слово алькальда, противопоставленное слову официальной газеты самой алькальдии, не значило ровным счетом ничего. Потому что – вот такая загогулина – демократия, и газета, этот официальный рупор алькальдии, находилась, как я уже говорил, в состоянии почти нескрываемой войны с собственным работодателем. Говоря проще, архиепископ извинения отверг. Газета же закусилась удила и на следующее утро опубликовала еще одну заметку, в которой до сведения публики доводилось то, что архиепархия заняла глухую оборону, отказываясь от комментариев по поводу «печального происшествия» (*sobre este lamentable hecho*). И так – целую неделю. До тех пор, пока в алькальдии не пошли на хитрость, просрочив платеж за типографию.

Пришлось обратиться к другому священнику. Тот немного посомневался, даже позвонил архиепископу, но монсеньор Аларкон против такого сотрудничества не возражал: свое лицо он сохранил, а отказывать в помощи вообще – не по-христиански. Итак, к делу подключилась Церковь.

Первое, что сделал священник, – задал очень простой вопрос. Даже странно, что ни журналисты, ни полицейские до сих пор и сами этим вопросом не озаботились. А именно: не пытались ли они лично встретиться с привидением погибшего молодого человека? Ведь если его уже видело столько людей, вряд ли оно избегает встречи. А судя по рассказам тех, кого оно не пускало в дома, даже ровно наоборот: не только не избегает, но и словно напрашивается! Иначе зачем ему часами напролет стоять перед домами, даже не пытаясь скрыться? Да, от водителей, как бы заново на него наехавших, оно убегало, но... ведь и это бегство нельзя назвать бегством конкретно от людей: в этом бегстве на заправочную станцию прослеживается какая-то система, какой-то намек. Можно даже предположить, что привидение звало водителей за собой. Особенно это касается случая с водителями автобусов. В пригородный оно даже пыталось зайти, а интерпровинсьаль не просто остановило, но и задержало на какое-то время, демонстративно перед ним улегшись на дорогу.

Логика в словах священника имела, но от его невысказанного предложения – встретиться с призраком – мурашки бегали по телу. Тем не менее, и журналисты, и полицейские решили, что да – это, похоже, единственный способ прояснить ситуацию как можно скорее. И прямо в тот же вечер все они, включая священника, отправились на заправочную станцию в Писак.

На заправку прибыли уже в темноте, около девяти часов. Слишком приметный внедорожник с мигалками и надписью по бортам «*Policía de carreteras*» (дорожная полиция) на всякий случай загнали на задний двор магазинчика при станции, а сами расположились непосредственно в магазине. Кассир, понятное дело, ничего против не имел, да ему и вправду так было спокойнее: мало того, что слухи о привидении (хотя кассир лично его и не видел)

⁴ La Ciudad Imperial – распространенное в регионе название Куско, отсылающее к временам, когда город являлся столицей Тауантинсуйу – империи инков (кечуа).

уже буквально затопили всю округу и откровенно пугали, так еще и заправка находилась на отшибе, работала круглосуточно и являлась прекрасной мишенью для не очень добропорядочных граждан. Присоединившийся к журналистам и полицейским из Куско полицейский комиссар из Писака подтвердил: только за последний месяц именно эту заправочную станцию грабили четыре раза. И пусть даже в каждом случае ущерб ограничивался сотней-другой солес⁵, поскольку за топливо большинство клиентов расплачивалось картами Петроперу, а если и отдавало наличные, то разве что за бутылку воды, стоившую копейки, но все равно приятного было мало. Да и той же водой грабители не брезговали, а вот она-то уже была собственностью не государственной компании, а личной инициативой кассира. В принципе, это – довольно обычное дело, на которое владельцы заправочных станций в Перу, как правило, закрывают глаза. Мелкая торговля собственными товарами – почему бы и нет? Всем удобно: такой крупной компании, как та же Петроперу, мелочная торговля на фиг не сдалась, но эта торговля привлекает клиентов. Вот и пусть себе кассир (которому заодно и жалованье можно чуть-чуть урезать) подрабатывает. Говоря проще, кассир присутствию и полицейских, и священника только обрадовался.

Если рассуждать логически, а именно так рассуждать и пытались «следователи», ожидание предстояло долгим. Согласно показаниям потерпевших (если потерпевшими можно считать водителей, видевших погибшего молодого человека), привидение появлялось около заправки практически в одно и то же время: под утро или рано утром, а точнее – около половины четвертого утра, то есть примерно в то время, когда оно при жизни и погибло. Что тоже было достаточно логично. Правда, получалось, что появлялось оно не каждое утро, но зато если появлялось, могло появиться и дважды, и трижды за весьма короткий период. Как, например, это случилось с автобусами: пригородный отправился в Куско, чтобы одним из первых встать на линию, когда пойдут пассажиры, а лайнер прошел в противоположном направлении спустя каких-то несколько минут. В общем, ждать предстояло не час и не два, и часть этого времени полицейские и журналисты потратили на то, чтобы посвятить священника во все подробности.

Священник слушал очень внимательно, но еще внимательней слушал кассир. Он-то и добавил в историю еще один любопытный момент. А именно: с его слов, в 1993 году (тогда ему было семнадцать, и он и сам, подобно замучившим его грабителям, отнюдь не отличался благостным поведением) он – чего уж грехи таить, тем более давно отмоленные – незадолго до Рождества «позаимствовал» из кассы конкретно этой заправки несколько купюр: большего количества попросту не нашлось. Был он в изрядном подпитии и поэтому вел себя очень агрессивно. Перепугал тогдашнего кассира до полусмерти, и тот, в буквальном смысле опасаясь за свою жизнь, отдал ему еще и содержимое собственного бумажника. Не ахти сколько, но хоть сколько-то. А когда доставал из бумажника деньги, выронил на землю бумажку – что-то вроде вырванного из записной книжки листочка. Сама по себе бумажка мало заинтересовала юного шалопада, чьим подвигам уже на следующее утро дал соответствующую оценку суд (в Перу с судами не тянут: поймали, отвезли в участок, прямо из участка – в суд, а из суда – на зону). А вот поведение кассира – очень даже. Казалось, кассир, увидев, что из его бумажника выпала эта бумажка, перепугался еще больше: больше, чем только что боялся пьяного и не очень адекватного налетчика. Он аж позеленел. Кассир (то есть нынешний кассир заправки) так и выразился: *se ha puso verde* вместо обычного в таких случаях *ha palidecido* или *palideció*. Это *se ha puso verde* было очень эмоциональной характеристикой произошедшего, выражавшей даже не крайнюю степень испуга, а испуг за гранью мыслимого. Особенно если помнить о том, что люди в тех местах имеют преимущественно смуглый цвет лица, и если кто-то из них и способен «позеленеть», то выглядеть это должно поистине ужасно. Такая реакция заставила юношу схватить бумажку с земли, ведь ясно было, что она являлась ценностью куда как большей, чем

⁵ Соль (sol, единственное число; soles (множественное число) – перуанская валюта.

только что полученные деньги. Но увы: ничего интересного в ней не оказалось. Всего лишь запись о том, что в Рождественскую ночь ожидается звездопад, и если небо, паче чаяния, окажется чистым, его можно будет наблюдать.

«Я, – рассказывал кассир, – очень расстроился. Спросил, что всё это означает, но тогдашний кассир уже пришел в себя и ответил, что ничего не означает. Просто по ночам так скучно сидеть в магазинчике! А тут – какое-никакое, но развлечение может получиться. Но теперь-то ясно, что это было не просто так!» «А еще, – добавил один из полицейских, – он заявил, что не видел наезда, хотя смотрите сами: из окна дорога – как на ладони!» Кассир подтвердил: здание магазинчика с тех пор было перестроено, но общая планировка сохранилась. У тогдашнего, как и у нынешнего, никогда не закрывавшаяся дверь и одно окошко выходили на колонки, за которыми ясно виднелось шоссе. Не заметить, как проезжавший мимо автомобиль сбил человека, было невозможно. Даже странно, что тогдашние следователи не ухватились за это. И это при том, что они знали: звонок с сообщением о ДТП поступил именно с заправки!

«Но позвольте, – вмешался один из журналистов, – это уже просто какая-то ерунда. Если кассир был в курсе происходившего и даже ожидал чего-то подобного, зачем он вообще позвонил в полицию?» «Может, – ответил один из полицейских, – ожидать-то он чего-то и ожидал – того, что было связано со звездопадом, – но произошло совсем не то, чего он ожидал?» «Но чего же он тогда ждал?» «Открытия ворот между мирами», – это уже священник. Все вздрогнули и посмотрели на него. Между какими мирами? Каких ворот?

Священник пояснил: «Слушаю я вас, слушаю и до меня никак не доходит – вы правда ничего не знаете о звездопадах или просто забыли? Это же каждому ребенку известно! До того как обратиться в веру Господа нашего Иисуса Христа (да и сейчас, пожалуй, тоже), кечуа верили в то, что звездопады – очень плохая примета. Они предвещали всевозможные бедствия: землетрясения, вторжения врагов, тяжелые войны, засухи или, наоборот, слишком затяжные дожди, заморозки после посева и всхода, а как следствие всего этого – голод. Правители кечуа не просто так создали систему продовольственных запасов, из которых народ обеспечивался в тяжелые времена. Создавая ее, они стремились уменьшить влияние злого рока, словно нависшего над всеми здешними долинами. Оглянитесь! Это же крохотные оазисы среди непригодных для жизни человека пространств. В каждое мгновение своего существования жизнь в этих оазисах подвергается смертельному риску. Достаточно одного более или менее сильного землетрясения, чтобы сбросить землю с полей: где-то – с искусственных террас, где-то – с обрывающихся в реки участков. И сложилось так, что все эти бедствия действительно происходили после звездопадов. Но что еще хуже...»

«Минутку, минутку! – перебил один из журналистов. – Но в 1993 году после звездопада землетрясения не было!» «Зато, вероятно, произошло кое-что другое». «Что?» «Как раз то, что во все времена было намного хуже землетрясений, войн и голода. Открылись ворота между мирами. Об этом я и говорю. Кечуа верили в то, что в момент, когда с неба падают звезды, пространство и время, и без того в их верованиях единые, смешиваются окончательно: прошлое перестает отличаться от настоящего и будущего, а нижний мир – от мира здешнего и мира верхнего: мир мертвых и нерожденных сливается с мирами людей и богов. Если в такой момент живой человек пожелает, он может общаться и с теми, кто давным-давно умер, и с теми, кто еще не родился, и даже с самими богами. Но и это страшно не так, как страшно то, что и мертвые, и нерожденные, если того захотят, могут общаться с живыми людьми! А поскольку человеческая воля, увы, слишком часто является злой, зла что так, что эдак может выйти немало. В отличие от вас, господа, тогдашний кассир явно знал это поверье. Что-то заставляло его желать, чтобы ворота между мирами открылись хотя бы на те минуты или часы, в течение которых звезды будут сыпаться с неба. А судя по его испугу, когда он решил, что его намерения могут обнаружиться, воспользоваться слиянием миров он собирался не совсем в благих целях. Надеюсь, его биография вам известна?»

Журналисты и полицейские переглянулись. Нет, биография бывшего кассира заправочной станции известна им не была. По правде говоря, они ею вообще не интересовались. Что примечательного может быть в биографии какого-то кассира? Может, он думал, что общение с мертвыми поможет ему разбогатеть? «Вряд ли, – возразил священник. – Будь это так, не было бы всего другого. Сюда, на заправку, не отправился бы вышедший из дома в Рождественскую ночь молодой человек. И сюда же, на заправку, не отбегал бы с дороги его призрак. Ведь это очевидно: кассир и молодой человек были связаны друг с другом. У них было какое-то общее дело». Священник обратился к нынешнему кассиру: «Сколько лет было тому?» «Не знаю. В том возрасте мне все люди старше двадцати пяти казались стариками и старухами». «Но он был стар, как стар какой-нибудь теперь известный тебе старик, или по-другому?» «Нет, он явно был моложе». «Значит, мужчина в расцвете лет. Скорее всего».

Мужчина в расцвете лет и молодой человек. Кассир заправочной станции и студент. Кассир, ожидающий звездопад в Рождественскую ночь и боящийся, что это станет известно. Студент, выходящий из дома в ту же Рождественскую ночь и идущий на заправку, где работает кассир, ожидающий звездопад. Что же могло их связывать? Какие общие замыслы? Что они надеялись получить от других миров? Чем было это нечто такое, что было важно для них обоих; нечто такое, что они никак не могли получить врозь, и нечто такое, в чем признаваться было очень опасно? И вот еще что: убегая на заправку, призрак-то, получается, бежал не на нее. Иначе нынешний кассир его бы тоже видел! Он убегает не на заправку, а в ее сторону. Оставляет в стороне магазин и движется куда-то еще. Куда-то дальше. Куда-то...

Священник вскочил. Журналисты, полицейские и кассир тоже повскакивали. «Шапка! Шапка с помпончиками! Не с кисточками! С помпончиками! Не мужская! Женская! А за магазином – задний двор. А за двором – река... Думаю, господа, этих людей связывало страшное преступление. Которое они надеялись исправить. Но так и не исправили, потому что им помешали. К счастью или к несчастью, скоро мы это узнаем». Священник посмотрел на часы: время близилось к трем часам ночи. «Теперь многое зависит от того, появится ли какая-нибудь машина. Если не появится, не придет и молодой человек. А поэтому...»

Один из полицейских, поймав вопросительный взгляд священника, попятился: «Нет, нет, нет! Я не поеду!» «Я поеду с вами». «В этом нет смысла! Если бы он хотел... хотел... хотел просто привлечь внимание, он бы не под машины кидался, а позвал бы *его!* – полицейский показал на кассира. – Но он не зовет его! Ему нужен водитель! Он хочет водителя заманить туда... туда...» Все посмотрели на стену, за которой находились двор и река. Священник покачал головой: «Нет, ему не нужен водитель. Он никому не желает причинить зло. Под машины он кидается только потому, что он сам погиб под машиной: это, уж извините, обычай такой у призраков. И потом, вы же взрослый человек, полицейский! Вы не должны бояться!» «Но я боюсь!» «Не бойтесь. Если бы он хотел причинить кому-нибудь зло, он уже сделал бы это. Хотя бы с кем-нибудь из тех, кому мешал войти в их собственные дома. Неужели вы так и не поняли, почему он мешал людям войти в их собственные дома?» «Нет!» «Но это же просто. Эти дома стоят на линии смерти, вы же сами это обнаружили. Вы же сами обнаружили, что близится новый звездопад. И если он будет виден, линия смерти станет первым рубежом между мирами – самым опасным рубежом, на котором с живыми людьми может произойти все что угодно. Он, сам будучи мертвым и поэтому зная обо всем, об этом и предупреждает живых – тех, кто подвергается самой большой опасности. Но по какой-то причине он не может разговаривать. Но и это пытается сделать! Помните, он завыл? Он пытался! Пойдемте. Заводите машину и поехали. Времени, если мы хотим что-то узнать, остается немного». Полицейский, понукаемый остальными, вышел из магазинчика вслед за священником. Все остальные вздохнули с облегчением: слава Богу, не им предстояло ехать в машине по ночной дороге на встречу с привидением!

Полицейский внедорожник выехал с заправки, уехал в сторону Куско, где-то там вернулся и поехал обратно. Примерно в половине четвертого – плюс-минус – он снова оказался возле станции. Очевидно, сидевший за рулем офицер по-прежнему боялся, потому что он включил мигалки и сирену: напротив станции внедорожник появился с воем и в блеске огней. Но очевидно и то, что призраку погибшего молодого человека было глубоко наплевать и на мигалки, и на сирену, потому что он внезапно встал на полосе движения. Внедорожник резко затормозил, вильнул в сторону и чуть не опрокинулся. Призрак продолжал стоять – на одной ноге!

Из внедорожника вышел священник. Потом – полицейский, обошедший свою машину сзади и пристроившийся за спиной священника. И тогда призрак, словно убедившись в том, что его не только заметили, но и следят за ним, полетел в сторону заправочной станции. Не долетая до нее, он действительно принял вправо, огибая магазин, из которого тут же вышли все остальные: два других полицейских, журналисты и кассир. Пролетел, не останавливаясь, над люками топливных емкостей и скрылся на заднем дворе. Точнее, не скрылся, а сел под росшее на берегу Урубамбы дерево.

Священник, полицейские, журналисты и кассир подошли поближе и увидели, что призрак плакал или делал вид, что плачет. Что-то очень похожее на светящиеся слезы вытекало из его черных-черных глаз. А потом он снял с головы индейскую шапку и аккуратно положил ее рядом с собой – на выступавшие из земли корни дерева. Да не просто аккуратно положил, а с какой-то непередаваемой нежностью: разгладил ее, одну завязочку положил на другую, соединил помпончики – так, чтобы они касались друг дружки...

Священник сглотнул и заговорил: «Брат мой, кем бы ты ни был теперь, но по-прежнему мой брат во Христе, самое время рассказать всё. Мы специально пришли сюда, чтобы встретиться с тобой. Ты тоже этого ждал. Говори, если можешь. А если не можешь, показывай».

Призрак лег на бок и начал рыть землю. Вернее, конечно, он делал вид, что роет землю, но его намек был ясен. Кассир сбегал в магазинчик и принес лопату. По очереди начали рыть. Минут через двадцать откопали человеческие кости. Комиссар из Писака, на своем веку повидавший немало человеческих костей, мгновенно установил: женские и, скорее всего, совсем молоденькой женщины, потому что ни на одной из извлеченных из ямы костей не было никаких видимых – на беглый взгляд – патологий. За исключением левой лопатки и одного из ребер: на левой лопатке виднелась зазубрина, а в одном из ребер – какой-то посторонний предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся кончиком ножа.

«Ее убили, – констатировал комиссар. – Убили очень неумело. Ударили в спину, однако нож наткнулся на лопатку. Эта первая рана не могла оказаться смертельной. Тогда, наверное, ее ударили еще раз, нож был длинным, он прошел почти насквозь, попал в ребро и обломился. Давайте еще посмотрим».

Вырыли еще немного земли. Даже не вырыли, а выгребли из ямы ту, которая в нее осыпалась, и действительно обнаружили остатки ножа: трухлявую деревянную ручку с напрочь съеденными ржавчиной заклепками. Лезвия не было: скорее всего, оно рассыпалось в прах и смешалось с землей.

«Нужно вызывать прокурорских. Пусть составляют протокол и распоряжаются насчет морга. В Писаке хороший патологоанатом. Он проведет необходимые исследования и даст заключение». «Но кто она?» – спросил один из журналистов. «Этого, боюсь, мы никогда не узнаем. Мы даже провести сравнительный анализ ДНК не можем: с кем? Вот если бы он нам все рассказал...» – комиссар показал на призрак, который все это время оставался рядом с деревом и даже не думал исчезать. – «Почему он не может разговаривать?» «Постойте-ка!» – священник. – «Но ведь он может показывать ясные знаки... Брат мой, нарисуй буквы!» Призрак начал пальцем чертить по воздуху. Понять эти знаки было трудно, но в итоге получилось что-то вроде Luz Álvarez, Лус Альварес. К большому сожалению комиссара – слишком рас-

пространенные имя и фамилия, чтобы можно было что-то сразу на это сказать. А потом стало быстро светать, и призрак все-таки исчез.

Позже патологоанатом подтвердил все, что раньше сказал комиссар. А пока он работал, полицейские и журналисты опять копались в архивах, стараясь найти то, что могло бы объяснить: кто такая эта Лус Альварес, и почему ее сначала убили, а потом закопали на заднем дворе заправочной станции? Священник же пытался найти ответы на другие вопросы: почему вообще призраку понадобилось привлекать внимание живых людей к совершенному когда-то преступлению? Наконец, оставалась и третья загадка: что случилось с семейством из Лимы после того, как автомобиль хирурга сбил молодого человека? Как получилось, что, как минимум, бабушка и внук или внучка, оставаясь для всех невидимыми, но будучи прекрасно слышимы, разговаривают теперь перед появлением призрака? Где остальные члены семьи?

Первыми что-то нащупали полицейские: в архиве без вести пропавших лиц. Ни о какой Лус Альварес ни за 1993 год, ни за более ранние годы информации в нем не было, но зато была информация о том, что за два месяца до Рождества в Куско без вести пропала боливийская студентка, учившаяся в университете Сан Антонио Абад, то есть в том же университете, в котором учился и погибший молодой человек. Только звали ее не Лус Альварес, а Мария Эспиноса. Кто ошибался? Призрак или полицейский архив?

Обратились в университет. В его канцелярии действительно нашлось дело Марии Эспиносы, так никогда и не закончившей факультет градостроительства. Приехала девушка из провинциального боливийского городка по программе свободного обмена, предусмотренной соглашениями между странами-членами так называемого Андского сообщества (Comunidad Andina de Naciones: Перу, Боливия, Колумбия и Эквадор). Поступила на факультет градостроительства. Ничем примечательным не отметилась. Ни в каких конфликтах замечена не была. Училась средне. А потом пропала без вести.

Уже из полицейского архива были установлены некоторые другие факты: опрошенные после исчезновения друга Марии знали только то, что она уехала в Лиму и оттуда не вернулась. Одна из подруг лично проводила ее в аэропорт, поэтому сомневаться в том, что Мария действительно улетела в столицу, не приходилось. Тогдашняя полиция Имперского Города обратилась за помощью к своим столичным коллегам, но те ничем не смогли помочь: пассажирка рейса AV838 боливийской Авианки, следовавшего из Веласко Астете⁶ в Хорхе Чавес⁷, зарегистрированная как Мария Эспиноса Угарте, прошла контроль по прилету, но дальше ее следы затерялись. Поданные в СМИ объявления о розыске успехом не увенчались. А так как никаких преступлений за девушкой не числилось и ее боливийские родственники не объявлялись, как будто их и вовсе не было, дело потихоньку закрыли. Или, если угодно, забраковали в дальний угол, поскольку тратить время и ресурсы на активные поиски человека, которого не ищет вообще никто и судьбой которого никто не озабочен, было сочтено неразумным. Кроме того, полиция Лимы вскоре была отвлечена на страшное происшествие. Ей стало не до пропавшей студентки.

Случилось же вот что. В одно очень приятное утро проходившие по авениде Пасео де ла Република люди услышали крики, несшиеся откуда-то сверху. Сначала никто и не понял, откуда кричали: крики как будто исходили с залитого солнечным светом неба. Да и разобрать их было невозможно: они сливались во что-то невразумительное. Единственное, что было более или менее ясно, это то, что кричала девушка. Кто первым догадался посмотреть на крышу расположенного тут же отеля Шератон – одного из самых высоких зданий Лимы, – установить не удалось, но тот, кто догадался, привлек внимание и остальных: на самом краю крыши, едва-едва видимая с узкого тротуара, действительно стояла девушка или молодая жен-

---

⁶ Аэропорт в Куско.

⁷ Аэропорт в Лиме.

щина и что-то кричала. Желая разглядеть получше, что же происходит, люди начали перебегать через дорогу – очень оживленный проспект. Образовался затор. Появились полицейские. Которые тут же и сами ошарашенно застыли, глядя на верхотуру высоченного здания и на стоявшую на его краешке девушку. Из машин повылазили водители и пассажиры и тоже стали свидетелями происходившего кошмара, хотя в первые минут десять-пятнадцать никто еще не понимал, что это – кошмар. Над авенидой повисла совершенно несвойственная ей тишина. Ее нарушали только крики девушки. И вот в этой-то тишине крики стало возможным разоб-
брать. Кричала же девушка о том, что ее бросил парень, которого она очень любит и без которого не может жить. Кричала, что ее жизнь закончилась. Кричала, что еще минуту постоит и бросится вниз. Полицейские, услышав это, начали действовать. Один из них вызвал на под-
могу бомберос – чтобы те попробовали на всякий случай развернуть улавливающее полотно. Другой начал заставлять водителей снова сесть за руль и очистить дорогу перед отелем. Еще один побежал в сам отель. Очевидно, девушка заметила эту суету: на какое-то время она замол-
чала, а потом стала кричать, чтобы никто не вздумал к ней подниматься – мол, ни в какие переговоры вступать она не намерена, просто ей очень страшно, но она решилась и прыгнет все равно. Не дожидаясь, пока до крыши доберется побежавший в отель полицейский, люди снизу стали орать, чтобы девушка не валяла дурака и отошла от края. Ее костерили на чем свет стоит, надеясь так отговорить от рокового шага. И девушка действительно от края крыши отошла, скрывшись из виду! Люди внизу вздохнули с облегчением. Но уже в следующий миг девушка снова оказалась на краю и прыгнула. Одновременно с этим послышалась сирена пожарной машины. Но бомберос опоздали: девушка упала на асфальт. Казалось, все кончено. Кто-то хватался за сердце. Кто-то закрывал лицо руками. Кто-то даже упал в обморок. И вдруг один из бомберос, подбежав к телу девушки, заорал как сумасшедший, срочно требуя носилки: девушка была все еще жива! Она упала с высоты в десятки метров, но все еще была жива. Везти девушку решили в ближайшую больницу. То, что эта больница была частной и очень дорогой, в такой ситуации значения не имело. Там ее сразу положили на операционный стол. И там-то она и умерла, не приходя в сознание. А полиция Лимы приступила к расследованию этого дикого происшествия, подобного которому ни на чьей памяти не случалось. Но и в этом расследовании далеко продвинуться не удалось. Никаких документов при девушке не оказа-
лось, по фотографиям ее никто не опознал. Она взялась словно ниоткуда. Единственной зацеп-
кой мог оказаться ее довольно специфический выговор, по которому еще до ее прыжка в без-
дну стало понятно, что она не местная, но никаких аудиозаписей у следователей не было – их вообще не было, – поэтому что-то утверждать наверняка о происхождении девушки не пред-
ставлялось возможным. Мнения разошлись. Даже полицейские, слышавшие крики, не были единодушны. Один из них высказал предположение, что девушка – боливийка, но двое других это предположение отвергли: им показалось, что акцент больше походил на тот, с каким раз-
говаривают в некоторых областях Перу, но больше всего – в Аргентине: якобы нет-нет да про-
скальзывало в выговоре характерное «дж» вместо «й»⁸. Тогда фотографию разослали по всем авиакомпаниям, осуществлявшим полеты в Лиму из других регионов Перу, а также из Боли-
вии, Аргентины и других испаноязычных стран Америки. А еще – в компании, занимавшиеся автобусными перевозками: вдруг девушка приехала в Лиму на автобусе? Но и на этом направ-
лении поиски не дали результатов. В какой-то момент показалось было, что ее опознала стю-
ардесса Авианки, но потом эта стюардесса от своих показаний отказалась: заявила, что ее ввел в заблуждение цвет волос – волосы девушки имели характерное цветное мелирование. Увы, но в те времена цветное мелирование как раз только-только входило в моду, обознаться было нетрудно. Мало-помалу и это расследование заглохло.

⁸ Например, «джамар» вместо «йамар» в слове llamar (звать).

Заглохло оно тогда, но теперь добывшие всю эту информацию полицейские сложили два и два и уже не сомневались: бросившаяся с крыши девушка и пропавшая в Куско студентка из Боливии – одно и то же лицо. Только вот странность: еще в 1993 году фотографию девушки показывали по всем центральным каналам; как же ее могли не узнать учившиеся с ней на одном курсе студенты и студентки? Ведь наверняка кто-то из них видел эти программы! И фотографию самой студентки отсылали в Лиму: как же по ней не опознали бросившуюся с крыши студентку из Куско? Выходит, это все-таки разные девушки? Но не слишком ли много совпадений? С другой стороны, если Мария Эспиноса погибла в столице, как она же, но уже под именем вообще нигде и ни в каком виде не фигурировавшей Лус Альварес могла оказаться в Писаке и быть убитой в нем – предположительно на заправочной станции? А если Лус Альварес, Мария Эспиноса и неизвестная самоубийца из Лимы – три разных человека, это что же получается: сразу три загадочных происшествий за такой короткий промежуток времени? Перу – очень большая страна. Но все же не настолько, чтобы в ней с перерывом всего-то чуть ли не в несколько дней произошло такое! И почему ни в одном из случаев не объявился никто из родственников? Ни Марии Эспиносы, ни Лус Альварес, ни безымянной самоубийцы? От этих вопросов головы шли кругом, но зато обнаружилась и кое-какая ниточка или, по крайней мере, еще одна связь: бомберос доставили самоубийцу в ту самую больницу, в которой работал хирург, совершивший наезд на молодого человека в Писаке! Правда, установить, он оперировал несчастную или нет, не удалось, но еще одно совпадение наводило на нехорошие мысли. А тут и священник подоспел – со своими собственными открытиями.

Прежде всего, он ошарашил полицейских и журналистов сообщением, что никакую Лус Альварес искать не нужно, потому что никакой Лус Альварес не было в этом деле, нет и не будет. Мол, все они – и он сам, и полицейские, и журналисты – неправильно поняли призрака. Они приняли начертанные им буквы за имя и фамилию, но понимать их нужно буквально. Именно как luz, то есть свет, и как álvarez, то есть дитя воина-эльфа: alf arɾ ez на том языке, на котором когда-то говорили пришедшие на Иберийский полуостров варвары, прожившие одно из начал испанской нации. Вероятно, призрак не был уверен в том, что его поймут, если он даст определение на кечуа, поскольку общепринятых правил письма у этого языка не существует до сих пор, а кроме того, он распадается на ряд диалектов даже в пределах такого сравнительно небольшого района, в котором находятся Куско, Писак и та же Калька – если вспомнить о том, что Калька тоже замешана. Священник, доказывая свою правоту, тут же сам написал несколько слов, являющихся эквивалентом испанского «luz»: achic, sut'i, cancha, rupaɥ, shuti, punchaw. И уж тем более, заявил он, почти невозможно, чертя пальцем в воздухе, передать на кечуа смысл того, что передает простое испанское álvarez. А если не верите, попробуйте сами!

Определенная логика в рассуждениях священника была. По крайней мере, эти рассуждения давали приемлемый ответ на вопрос, почему ни о какой Лус и помину нигде не было. Но вместе с тем, они же добавляли и загадку: что это значит – дитя воина-эльфа и свет? Почему призрак именно так определил убитую, причем, вполне вероятно, убитую при его же соучастии или даже им самим девушку? И почему она пропала, уехав не в Писак, а в Лиму, где почти одновременно с этим произошло жуткое самоубийство? Однако священник, услышав историю о самоубийце из Лимы, только обрадовался. Или огорчился – как посмотреть. Услышав эту историю, он побледнел, перекрестился и заявил, что теперь-то ему все окончательно ясно. И что необходимо торопиться, иначе будет поздно: до ночи нового звездопада остается совсем немного времени. Если не успеть до него; если ворота между мирами снова откроются, а никто не успеет подготовиться, случится нечто ужасное.

Что? Что? От священника потребовали объяснений. Священник объяснил: так, как видел ситуацию он сам. По его словам, Мария Эспиноса не была никакой Марией Эспиносой: так же, как не была она и Лус Альварес. Ведь Мария Эспиноса – тоже всего лишь «игра слов»: чудо-

вишная, но все же игра. Мы привыкли к тому, что имя «Мария» ассоциируется у нас только с именем Богородицы, мы не вкладываем в него никакой другой смысл, мы даже, как правило, не задумываемся о том, что же это имя означает. А означает оно «любимая»! Точно так же, мы, говоря «Эспиноса», полностью абстрагируемся от прямого значения этого слова – «покрытый колючками», «колючий», «место, где все покрыто колючками». Это слово стало одной из самых распространенных фамилий, потому что там, откуда оно родом, полным-полно таких мест – покрытых колючими кустарниками и прочей унылой растительностью. Но сложите все вместе, не думайте о Богородице, забудьте о фамилии, что получится? А получится «колючая возлюбленная» или «несчастливая возлюбленная», или «возлюбленная, приносящая несчастья». Ну? Кто же она такая, эта Мария Эспиноса или Лус Альварес? Эта колючая возлюбленная или свет и одновременно дитя воина-эльфа? Каково ее настоящее имя? И так как все растерянно молчали, священник сам назвал, как он думал, подлинное имя той, чьи останки нашли захороненными в яме рядом с деревом на берегу Урубамбы на заднем дворе заправочной станции Писака: Ланлаку!

Когда испанцы завоевали Тауантинсуйу – то, что позже получило название империи инков, – они вдохновенно принялись проводить аналогии с собственным миром. Иногда аналогии получались удачными. Иногда совсем неудачными. Например, они превратили в дьявола совершенно безобидного Сүпая, властелина Уку Пача – подземного мира мертвых и нерожденных. Супай сроду никому не делал ничего плохого. Да и с чего бы вдруг? Нет: у кечуа были сущности куда как более страшные, куда как лучше подходившие на роль христианского сатаны. Но самой страшной из таких сущностей был Ланлаку. Испанцы упустили его из виду, потому что его имя практически никогда не произносилось вслух и не упоминалось какими-то другими способами. Люди предпочитали о нем помалкивать: Ланлаку наводил такой ужас, что безумием казалось даже просто назвать его по имени! Он и так-то не давал покоя живым, являясь к ним и терзая их, а если еще его и позвать... кто знает? Сейчас этой сущности дают незамысловатое определение – злой дух. Но на деле это был не просто злой дух. Это была обратная сторона солнца – полная тьма. Это был черный солнечный луч, иногда видимый в ясном небе и это небо пронзающий подобно смертоносному кинжалу. А еще – никто не мог достоверно сказать, был он мужчиной или женщиной. Но смутные намеки, пугливые оговорки, разные второстепенные признаки – все это больше говорило о том, что под именем Ланлаку скрывалась женщина. Когда-то, возможно, жившая в мире живых и в нем же умершая, но отвергнутая и нижним миром, и вышним. Очень нехорошая женщина. Очень злая. Очень коварная. И очень мстительная. А может, она существовала от сотворения мира: кто знает? Может, еще тогда она отбилась от всех, пойдя своею собственной дорогой абсолютного зла.

Но если это Ланлаку, как ее удалось убить? «Очень просто, – ответил священник. – Ее не убили. Убили то тело, которое она себе взяла, снова явившись в мир живых, чтобы нести его обитателям беды. Но ее саму, конечно, убить невозможно. Во всяком случае, уж точно не кухонным ножом». А чем? «Не знаю». Священник развел руками. А Лима-то, Лима здесь причем? «О! – на этот раз священник даже заулыбался, а в его лице появилось что-то очень детское и наивное. – Это просто восхитительно! Видите ли, на этот раз Ланлаку очень не повезло. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Даже абсолютно зло иногда наталкивается на непреодолимое для его желаний препятствие. Ланлаку явилась в мир, чтобы еще кого-нибудь погубить, но оказалась на грани гибели сама. Известно, что для живых людей нет более страшного испытания, чем несчастная любовь. Но что мы знаем о чувствах таких существ, как Ланлаку? Что если и для них несчастная любовь – то самое, чего они боятся больше всего на свете? Ведь это такая обоюдоострая штука! Судя по имени, которое Ланлаку взяла себе на этот раз, она намеревалась изрядно помучить и погубить какого-нибудь юношу, но получилось иначе: она сама влюбилась. Она влюбилась и была раскрыта. Она, любя, не смогла защититься от своих убийц. Она, конечно, знала, что умрет не по-настоящему, но больно ей было

всерьез. Настолько больно, что она решила выплеснуть свою боль подобно большинству тех из самых обыкновенных людей, которые натерпелись, намучились и, прежде чем свести счеты с жизнью, изливают душу на первых встречного и поперечного. После того, как ее зарезали на заправочной станции, она полетела в самое людное место своих владений, а там вошла на самое высокое здание, выплеснула из себя все, что в ней накопилось, и прыгнула вниз. Но ее собственная сила бесконечного зла оказалась такой, что взятое ею другое тело, даже упав с огромной высоты, умерло не сразу. Стюардесса, опознавшая ее, не ошиблась: она действительно видела именно ее. Но страшная, неземная, тысячекратно усиленная собственными силами боль настолько исказила ее лицо, что в нем не осталось почти ничего от того лица, которое запомнилось стюардессе.

А ее подруга? Провожавшая ее студентка? Она-то как могла принять ее за... гм... за ту же самую, если та же самая уже, как получается, была похоронена? «Она и не принимала. Она видела лишь то, что было нужно Ланлаку. А было ей нужно совсем немного: чтобы ее исчезновение ни в коем случае не связали с Писаком. Даже в человеческом теле она могла бы попасть в столицу и без всякого самолета. Но ей было нужно, чтобы нашелся свидетель, который бы подтвердил: да, она улетела, а не уехала; улетела в Лиму, а не уехала в Писак. Потому что она твердо знала: она обязательно вернется, чтобы отомстить. Ведь она не только любила. Как-никак, она была еще и абсолютным злом».

И все-таки оставались вопросы, на которые, впрочем, священник отвечал, практически не задумываясь. Например: почему, коли так, призрак сразу не назвал ужасную сущность ее настоящим именем, прибегнув к сложной игре слов? Уж «Ланлаку» -то можно было и пальцем в воздухе начертить! Никаких «разночтений» не возникло бы! «А потому что, – в лице священника снова появилось что-то очень детское и наивное, – и здесь всё пошло совсем не так, как могло бы, если бы мы имели простую данность: вот зло, а вот побеждающее зло добро. Не все так просто. Помните, призрак плакал, указывая на место захоронения? Помните, с какой нежностью он положил на корни дерева женскую шапочку с помпончиками? Ведь все это прямо свидетельствует о том, что, как бы он ни поступил с Ланлаку, раскрыв ее истинное „лицо“, он и сам пал жертвой ее чар! Пусть она сама влюбилась в собственную жертву, но и выбранная ею жертва полюбила ее саму! Уже только поэтому призраку молодого человека было непорочно называть свою любовь настолько прямым и настолько ужасным именем. Но и этого мало. Даже умерев, он не желал ее возвращения в мир. А ведь, согласно верованиям, всего лишь назови Ланлаку ее настоящим именем, всего лишь позови ее таким образом, и она придет. Да и только ли согласно древним верованиям? Все, чему мы являемся свидетелями прямо сейчас, все это демонстрирует нам, насколько сложно устроен мир: и зримый нами, и тот, о котором, пока мы сами не умрем, мы мало что знаем. Возможно, умерев, молодой человек на собственном опыте убедился в том, что имя Ланлаку и впрямь лучше не называть». Но что же все-таки случилось на заправке? Почему именно на ней? Причем тут испугавшийся тогдашний кассир? Куда подевалась семья из Лимы? Почему Ланлаку, собираясь вернуться для мести, намеревалась сохранить в тайне место гибели тела той, кого принимали за студентку из Боливии – Марию Эспиносу? Какой в этом смысл? Если Ланлаку нельзя убить простым кухонным ножом, разве она не может вернуться и без сохранения каких-то тайн, приняв то же самое обличье? И зачем молодому человеку понадобилось возвращаться на заправочную станцию в Рождественскую ночь – в ночь необычного звездопада?

«Ланлаку, конечно, может легко вернуться и сама по себе, – священник стал очень серьезным. – Ей ничто и никто не мешает прямо сейчас открыть вот эту дверь и войти вот в эту комнату...» Журналисты и полицейские с испугом уставились на дверь, но та, к счастью, не открылась и никто в нее не вошел. Однако от слов священника волосы на головах дыбом встали у всех. «Но ей это не нужно. По крайней мере, я на это надеюсь. Ей нужно было вернуться в мир в точности в том же обличье, в каком ее убили, а это возможно лишь в том случае, если

сохранились останки: только по ним она способна воссоздать тот облик. Но главное, это возможно еще и только в том случае, если снова откроются ворота между мирами, потому что физические останки не принадлежат ни миру мертвых и нерожденных, ни тому неизвестному миру, в котором обитает сама Ланлаку. Я надеюсь, что она по-прежнему желает вернуться в наш мир именно в том обличье, а не в каком-то новом, иначе мы можем ее и не узнать. Ведь ей и в самом деле ничего не стоит взять любое другое тело и затесаться в нашу компанию... ну, скажем...» – священник ненадолго задумался. – «Скажем, под видом выпускницы полицейского училища. Или журналистки-стажерки, направленной на практику в вашу газету или на ваш телевизионный канал. Я очень на это надеюсь...» – священник хмыкнул, увидев вытянувшиеся лица, и поспешил исправиться: «Очень надеюсь на то, что ей по-прежнему нужен облик Марии Эспиносы. Я надеюсь на это, потому что никаких явных причин для возвращения именно в нем у нее вроде бы как не осталось. Да, она хочет отомстить, а месть сладка лишь при определенных условиях, особенно если это – нечто inferнальное вроде восстания мертвых из могил. Но она должна знать, что ее возлюбленный и одновременно убийца уже и сам мертв. Остается только кассир, принимавший участие в убийстве и собиравшийся принять участие в еще одной процедуре, но... кассиру-то можно отомстить и в любом другом образе. И все же, я надеюсь, что и это не так. Да и сами-то мы ничего не знаем о судьбе тогдашнего кассира: ни что с ним, ни где он. Возможно, и он уже давным-давно мертв. Но будем надеяться на лучшее».

Но что же случилось на запраточной станции? «Думаю, вот что...» – священник дотронулся рукой до крестика: видимо, дальнейшее ему нравилось далеко не так, как приключившийся с Ланлаку конфуз. – «Когда молодой человек понял, что имеет дело отнюдь не с обыкновенной безобидной девушкой, которую можно любить, как можно любить любую обычную девушку; насчет которой можно строить любые планы на будущее: создать семью, родить детей... Как только он понял, что имеет дело с самым страшным существом из всех, о каких только повествуют старинные легенды, он и действовать начал в точном или почти точном соответствии с рецептами старинных легенд. Разумеется, настолько, насколько это было возможно, учитывая современную данность, явно отличную от данностей далекого прошлого. Он узнал, что прогнать Ланлаку – хотя бы в теории – можно: если ее убить на священной линии – секе или *siq'i*, если воспользоваться кечуа. Но где такую линию взять? Когда-то только в окрестностях Куско их было множество. Но пришедшие в Империю испанцы постарались уничтожить всякое зримое представление о них, оставив лишь довольно путанные и противоречивые слухи. С течением времени и с подачи многочисленных комментаторов информация запутывалась все больше. Конечно, все это было сделано не из каких-то тайных побуждений, а просто потому, что испанцы в линиях видели проявление язычества, с язычеством же они, понятно, боролись, как могли. Например, они уничтожили все, какие нашли, мумии – объекты особого поклонения, эту разновидность *waка* – вместилища духов, места обитания божества, советчика на все случаи жизни, тревожить которого, впрочем, по всяким пустякам не рекомендовалось. Постарались стереть из языка значения некоторых названий тех или иных природных объектов, находившихся на линиях секе и своими названиями это подтверждавших. В общем, проделали серьезную работу по искоренению языческих представлений попавшего под их власть народа. А это, в свою очередь, добавило хлопот и несчастному молодому человеку уже нашего времени: как найти такую линию? Да еще и желательно такую, чтобы Ланлаку ни о чем не догадалась и встала на нее? Конечно, над наивностью юноши можно посмеяться, но вообще-то смешного тут мало. Он, полагаю, с ног сбился и всю голову сломал, пытаясь решить проблему, реального решения которой не существовало: нелепо даже думать о том, чтобы Ланлаку не разглядела священную линию! Думать так – все равно что думать, будто дьявол не видит крестов на крышах наших церквей, не слышит колокольный звон и не понимает слова молитвы. Но юноша, как ни странно, определенного успеха все же добился. Наверное, в этом ему помог сам Писак, а точнее – его окрестности, буквально переполненные имперской

старинной. Недаром же Писак настолько популярен у туристов! Наверное, он понял суть самой системы, в соответствии с которой проводились линии секе: ведь проводились они не только из Куско, но и отовсюду, где имелись какие-нибудь места поклонения или места, на которых располагались храмы. Думаю, он понял это, осмотревшись в руинах и с топографической картой в руке: примерно так же, как вы сами сообразили насчет прямой между бывшим участком родителей юноши и заправочной станцией. И вот вам ответ на еще один вопрос: почему заправка? Да именно поэтому! Так же, как и вы, молодой человек определил линию, но, в отличие от вас, понял возможность ее практического использования. Однако позвать Ланлаку в дом своих родителей он не мог: не убивать же ту, которую все видели как самую обычную девушку, на глазах у собственных отца и матери! И ни на каком другом участке линии сделать это было невозможно: кто же пустит к себе ради такого дела? Оставалась заправочная станция, с кассиром которой молодой человек наверняка был знаком и о котором, скорее всего, знал что-то такое, что помогло бы его уговорить. Что именно, утверждать наверняка не возьмусь, но, думаю, самая простая вероятность – самая верная. Думаю, кассир подрабатывал чем-нибудь незаконным. Скупкой и продажей краденого по мелочам. Или торговлей липовыми „артефактами“ якобы доколумбовой эпохи. Или...»

Комиссар Писака перебил священника: «Вряд ли. При тогдашнем уровне коррупции в нашем ведомстве это происходило бы при прямом покровительстве полиции. И пусть тогда я только-только поступил на службу, но все равно: знал бы об этом. Поэтому – нет: кассир не подрабатывал ни скупкой краденого, ни торговлей липовыми сувенирами. Он, насколько мне известно, даже топливо не разводил, потому что и это контролировалось отнюдь не только Петроперу – владелицей заправки».

«Гм... ну, может быть, может быть...» – священник пожал плечами. – «В конце концов, это неважно. Возможно, молодой человек и не собирался договариваться с кассиром. Кассир-то, поди, как и нынешний, всю ночь обычно просиживал в магазинчике, не выходя из него, потому что боялся грабителей. А в дело оказался втянут случайно. Оказавшись же в него втянутым, отступить уже не смог. Как бы там ни было, но в первую роковую ночь молодой человек и Ланлаку пришли или приехали на заправку, молодой человек провел свою спутницу на задний двор и там зарезал ее. Если же непосредственно в убийстве участвовал и кассир, тогда они оба убивали ее. Но, конечно, может быть и так, что кассир стал случайным свидетелем убийства. Молодой человек заметил его, уговорил ничего не сообщать в полицию, рассказал, что произошло на самом деле, и, таким образом, сделал его своим соучастником. Но потом произошло то, что произошло. А именно – в ходе следствия по факту исчезновения Марии Эспиносы выяснилось, что одна из ее подруг уже после убийства проводила Марию на самолет, вылетающий в Лиму. Сомневаться в правдивости ее показаний не приходилось. В них никто и не сомневался: ни полиция, ни молодой человек. Получалось, что убийство как бы не совсем состоялось. Наверняка молодой человек бросился на заправку, там он вместе с кассиром заново раскопал яму, увидел, что тело по-прежнему лежало в этой импровизированной могиле... а дальше – больше: если полиция Лимы так и не смогла установить личность бросившейся с Шератона девушки, то молодой человек и кассир сразу же догадались, что произошло. И тогда они стали соображать, как быть, и чем вообще могло все это грозить. Подсказали им все те же легенды, только подсказка им не понравилась: Ланлаку намеревалась вернуться! Как быть? Да очень просто! Уничтожить останки, чтобы Ланлаку не смогла воспользоваться ими для воссоздания образа Марии Эспиносы. Но не просто уничтожить, а уничтожить наверняка: чтобы они вообще исчезли из нашего мира. А сделать это было можно только в такую ночь, когда открываются ворота между мирами. То есть в ночь, когда, как обещал Senamhi, начнется звездопад. В Рождественскую ночь. И вот молодой человек приехал на Рождественскую ночь в Писак под видом посещения своих родителей. Но после традиционного для Рождественской ночи ужина он вышел из дома и отправился на станцию. Там его уже поджидал кассир. Но...»

Священник замолчал. «Но, – продолжил вместо него комиссар полиции Писака, – произошло невероятное стечение обстоятельств. Шел-то юноша наверняка по дороге: там ведь, рядом с заправкой, и тротуара-то нет. Луна уже зашла. Звездопад еще не начался. Тьма – кромешная! И тут же – поворот. Какие шоферы из наших водителей, рассказывать никому не нужно: каждые сутки наши дороги обгаются кровью. Из-за поворота вылетел автомобиль. Молодой человек не успел отскочить, а водитель автомобиля не успел затормозить. Одно мгновение, и нет молодого человека. То есть, конечно, вот он, но уже без одной ноги и мертвый. Теперь-то можно предположить, что вряд ли хирург поспешил скрыться с места ДТП. Скорее всего, ровно наоборот: выскочил из машины и бросился на помощь. А когда понял, что молодому человеку уже ничем не помочь, осмотрелся и увидел растерянного кассира заправки. Мобильных телефонов тогда еще не было, а если и были, то далеко не у всех, да и вышек сотовой связи в Писаке тогда еще точно не было. Поэтому даже если у доктора и была такая дорогая по тем временам игрушка, воспользоваться ею он не мог. Подозвал кассира, спросил, есть ли на заправке обычный телефон, прошел вместе с кассиром в магазинчик и оттуда позвонил в полицию. Уверен: позвонил именно он, а не кассир. Потому-то никто тогда не усомнился в словах кассира, что он, кассир, ничего и никого не видел и полицию не вызывал. Если бы кассир позвонил лично, его бы, конечно, узнали по голосу. Но дальше что?»

«А дальше, – опять священник, – начался звездопад. Ворота между мирами открылись. Ланлаку вернулась, но – еще одна невероятная случайность! Еще до того, как воскреснуть в теле Марии Эспиносы, она увидела перед собой не только убийцу предавшего ее возлюбленного, но и того самого хирурга, который ее оперировал после падения с крыши отеля. Не сомневаюсь, что оперировал он, а не кто-то еще. Ланлаку не была бы Ланлаку, не была бы абсолютным злом, если бы не решила отомстить и тому, кто только что убил ее возлюбленного, пусть даже она сама намеревалась проделать что-то подобное, и тому, кто одновременно с этим чуть было не стал спасителем ее другого, уже абсолютно ненужного ей тела. Она взяла и... и...» – священник снова замолчал, но на этот раз немного растерянно.

«Видите ли, – сказал он после паузы, – наши представления о других мирах, мягко говоря, неполные. Даже противоречивые. Мы верим в то, что люди, покинувшие мир живых, попадают кто в рай, кто в ад, а кто в чистилище – в зависимости от обстоятельств жизни. Но вместе с этим мы верим и в то, что Страшный Суд еще только впереди, а значит, осуждения ушедших еще не было, как не было и вознаграждения. Это как если бы господин комиссар поймал воришку, доставил его в суд, суд отправил бы воришку за решетку, но местом отбывания наказания стал бы весь мир, то есть ничем не ограниченная свобода. Довольно абсурдно, правда? Вот так и с нашими собственными представлениями и верованиями. Однако даже такие запутанные, непоследовательные и не очень логичные верования дают нам образ многообразия миров – ничуть не меньшего, а вернее такого же, как и в древних верованиях кечуа с их миром мертвых и еще нерожденных, миром живых и вышним миром. Возможно, все человеческие верования имеют одну природу. Даже, скорее всего, так оно и есть. А если в этих верованиях имеется хоть частичка правды, в чем сомневаться мы не должны, да уже и не можем, получается удивительная вещь: не только взаправду существуют ворота между мирами, но правда и то, что миры способны хотя бы на время смешиваться друг с другом. Кечуа очень ярко представляли это смешение, но и мы представляем не менее ярко! Ведь что такое имеющиеся у нас представления о том же Страшном Суде, если не феноменальный по яркости образ смешения миров? Когда нет различия между мертвыми и живыми, между ангелами и людьми! Когда сама Смерть, и сам Бог, и сам дьявол смешивают все и вся, запутывая, обольщая и не давая видеть ни входы, ни выходы. Когда ворота между мирами открылись, Ланлаку всего лишь подтолкнула несчастного хирурга в том направлении, которое тот принял за дорогу домой. Или в Кальку – в дом родственников жены и тещи. Или в полицейский участок в Писаке. Доктор сел обратно в машину, завел мотор и, думая, что едет по правильному

пути, поехал прочь из нашего мира. А потом ворота закрылись, и он, даже если он понял, что произошло, уже не смог ни вернуться сам, ни вернуть свою бывшую жену, ни вернуть свою тещу, ни вернуть своих детей. Вот почему полиция ни тогда, ни позже так и не нашла даже следов пропавшего автомобиля и хоть какого-то намека на то, куда могли исчезнуть люди. Их просто не стало в нашем мире живых».

Но ведь они не умерли? Ведь, как минимум, бабушка и один из детей подали голоса! Правда, только они одни, но... где хотя бы они? Мы можем как-нибудь их спасти? Вызволить оттуда, где они оказались?

Священник кивнул: «Об этом я и пытаюсь сказать с самого начала. Там, где они находятся, время наверняка не имеет никакого значения, как не имело оно никакого значения для кечуа и как не имеет оно никакого значения и в наших собственных представлениях об иных мирах – хотя бы о мире вечного блаженства или о мире вечных страданий. Поэтому они не могли умереть. Но если они не умерли, они не могли попасть ни в Уку Пача кечуа, ни в наши рай или ад, или чистилище. Поскольку ни Супаю не нужны живые, ни ангелам, ни чертям. Ланлаку все точно рассчитала в этой своей мести: она отправила несчастных в мир, где у них не могло быть никакого общения. В пустыню нравственную и физическую. В мир, где у них не могло быть никакой надежды на иную участь. В мир, где само отсутствие всего и вся должно было превратиться в бесконечное и беспросветное страдание. Возможно, так бы оно и получилось, если бы Ланлаку снова не просчиталась: совсем чуть-чуть, но почти непоправимо. Она не учла совсем крошечное обстоятельство: то, что бабушка детей – теща хирурга – была не просто бабушкой! Она была чистокровной кечуа и поэтому, оказавшись в пустыне, смогла сопоставить факты. А сопоставив их, подала надежду, зная, что возвращение возможно: ровно тогда, когда ворота между мирами откроются вновь! Что случилось с хирургом, его женой и вторым ребенком, для нас неважно: возможно, они тоже где-то рядом; возможно, зашли куда-то совсем далеко. Не имеет значения. Имеет значение только одно: время вот-вот настанет. И тогда в смертельной опасности окажутся и те, кто будут находиться рядом с останками Марии Эспиносы, и те, кто будут находиться на линии секе, превратившейся в линию смерти, и бабушка с ребенком, потому что Ланлаку, увидев, что и они возвращаются, на этот раз их просто убьет. Пустит им в глаза какие-нибудь образы, и они свалятся в реку. Или попадут под грузовик. Мы должны действовать. Нам нужно уничтожить останки Марии Эспиносы. Но так как даже прах, в который нам по силам их превратить, несет достаточно информации для восстановления образа, мы должны, едва откроются ворота, забросить прах в какой-нибудь из других миров. Там он не будет представлять никакой опасности. Призрак юноши знает намерения своей теперь уже вечной любви. Он потому-то и явился в наш мир: предупредить о грозящей людям опасности. Явился тогда, когда еще было время все это предотвратить!»

Полицейские, журналисты и сам священник встали и, больше не говоря ни слова, пошли на стоянку машин, а оттуда поехали в Писак. Было, конечно, страшно и очень неудобно – все же не каждый день сталкиваешься с такими чудесами наоборот, – но, как говорится, «если не мы, то кто?» Перуанские полицейские вообще довольно своеобразные люди. Например, любой из них, глазом не моргнув, примет «подарок», но сочтет себя смертельно обиженным, если кто-то скажет, что он способен принять взятку или присвоить себе чужое добро. Никто не удивился, когда простой унтер-офицер, нашедший в аэропорту Куско двести солей, даже и не подумал положить их себе в карман: он сдал их в участок, а потом комиссариат истратил больше денег, чтобы найти владельца, чем эти двести солей. Или другой случай, когда полицейский в аэропорту Лимы нашел чемоданчик с обменными чеками на предъявителя на общую сумму, примерно эквивалентную шестидесяти пяти тысячам долларов США. Ничто не мешало ему присвоить эти чеки. Но он отдал их на хранение в собственный участок, а комиссариат развернул бурную деятельность по поиску владельца-растеряхи и ведь нашел его! Или такой: в дни проведения в Лиме саммита АТЭС в центре, где делегации и проводили заседания, поли-

цейским был найден бумажник, под завязку набитый деньгами. Бумажник не поменял хозяина: он вернулся к своему. В общем, странные люди, да :) Можно сказать, с приветом. И вот такие-то люди и поехали в Писак.

Было уже поздно, когда машина остановилась у морга, где находились останки Марии Эспиносы. Вызванный еще по дороге в город патологоанатом встретил всех в полном недоумении: какие дела могут быть в морге на ночь глядя? А когда услышал показавшееся ему диким распоряжение уничтожить останки, не только изумился, но и пришел в негодование. Формально он вовсе не находился в подчинении комиссара Писака: будучи судмедэкспертом, он являлся сотрудником прокуратуры, а не полиции; точнее – так называемого Дивизиона судебных медиков: División Médico Legal. Формально он не был обязан выполнять распоряжения полицейского комиссара и даже ровно наоборот: считая какие-то распоряжения противоречащими интересам следствия, он должен был незамедлительно поставить о них в известность свое прямое начальство. Но времени на все это уже не было, как не было времени и на долгие объяснения. Комиссар, косканские полицейские, журналисты и священник с тревогой смотрели на чистое темное небо, усыпанное звездами. В Senamhi говорили, что вероятность того, что небо будет безоблачным, невысока, но вот оно – это чистое безоблачное небо с миллиардами звезд, готовыми в любое мгновение сорваться с мест и посыпаться на землю! Поэтому комиссар взял патологоанатома за руки и сказал: «Мы знаем друг друга кучу лет. Просто сделай то, о чем я тебя прошу». И патологоанатом согласился. Конечно, ругался он страшно, даже неприлично, особенно учитывая присутствие священника, но все сделал так, как ему сказали. Примерно через полчаса останки Марии Эспиносы практически перестали существовать. И как раз вовремя: священник, глядя в окно, показал на небо – звезды начали падать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.